

мовы назоўнікаў *балька, бохань, гаплікь, гарфа, драпежца, живель, крат, кришталь, кролікь, лилия, майстерь, насмева, нежить, павь, покармь, похлебца, скиба, танець, фарба, цимбалы, шафарь*. Іх не ведала пісьменнасць даскарынаўскага перыяду, затое амаль усе яны сталі звычайнымі ў пісьмовых крыніцах розных жанрава-стылявых разнавіднасцей другой палавіны XVI і XVII ст., а некаторыя зберагліся ў беларускай мове да нашага часу.

На карысць меркавання, што ў замацаванні пералічанай іншамоўнай лексікі ў беларускай мове прыярытэт належыць Ф. Скарыну, сведчыць і тая акалічнасць, што яго кнігі мелі на тэрыторыі Беларусі шырокае распаўсюджанне і карысталіся тут заслужаным аўтарытэтам. А гэта дазваляе думаць, што іх роля ў развіцці беларускай літаратурнай мовы данацыянальнага перыяду, у стабілізацыі яе лексічнай сістэмы была значнай. Акрамя таго, трэба мець на ўвазе, што друкаванае слова ўжо само па сабе мае ў грамадстве большую кадыфікацыйную значнасць, чым рукапіснае.

Наяўнасць лексікі іншамоўнага паходжання ў старабеларускіх тэкстах розных жанраў, створаных у пачатку XVI ст., – нармальна з’ява. Ні адзін помнік не мог заставацца ў моўных адносінах у бакі ад агульнага працэсу развіцця літаратурна-пісьмовай мовы. Тым не менш нельга перабольшваць сілу іншамоўнага лексічнага ўздзеяння на слоўнікавы састаў ранняй беларускай пісьменнасці. У аснове сваёй ён працягваў заставацца беларускім, развіваючыся і ўзбагачаючы камунікатыўныя сродкі пераважна за кошт словаўтварэння на базе ўласнага караняслова.

Оксана Ванкевич

СИНОНИМИЯ В СУБСТАНТИВНОМ СЕГМЕНТЕ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ “ПОГОДА” И “НАДВОР’Е”

Синонимические связи слов как один из видов классовобразующих отношений в теории поля выступают едва ли не самой важной характеристикой, поскольку природа лексико-семантического поля базируется именно на смысловой близости составляющих его единиц. Синонимические отношения между лексемами служат основанием для построения того или иного лексико-семантического поля, обуславливают его конфигурацию.

Развитая синонимия является типической чертой метеорологических полей современных русского и белорусского языков. В данной статье в центре нашего внимания находятся субстантивные единицы, номинирующие различные атмосферные явления и объекты. Коррелятивные ЛСП “Погода” и “Надвор’е” представляют собой крупные лексические множества (более 1300 единиц в каждом), в сегментной структуре которых субстантивный сектор – второй по количеству членов после вербативного (в

обоих метеорологических полях существительные составляют примерно 23% от общего числа полевых элементов).

Лексическая категоризация на основе семантической близости подразумевает объединение полевых единиц – моносемантов, отдельных лексико-семантических вариантов полисемантов, оттенков значений – в синонимические группы, способные пересекаться по отдельным компонентам вещественного значения своих конститuentов. Синонимические отношения существительных-метеонимов в близкородственных языках представлены разными типами корреляций.

Обоим полям погоды (а белорусскому в большей степени) свойственно явление **полной синонимии**, ср.: рус. *гололедица* ‘Ледяная корка на поверхности земли, деревьях, проводах и т. п. // Состояние погоды, когда поверхность земли покрыта ледяной коркой’ и *гололёд* ‘То же, что гололедица’ [2], *ледышка* ‘Разг. Кусочек льда, льдинка’ и *ледышка* ‘Разг. То же, что ледышка’; *туман*¹ ‘1. Скопление мелких водных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающее воздух непрозрачным’ и *нар*¹ ‘2. ...// Туман’; *позёмка* (*позёмок*) ‘Низовой ветер зимой, а также снег, переносимый этим ветром при отсутствии снегопада’ и *подзёмка* (*подзёмок*) ‘То же, что позёмка и позёмок’; бел. *вясёлка* ‘Шматкаляровая дугападобная палоса на небе, якая ўзнікае ад пераламлення сонечных прамянёў у дажджавых кроплях; радуга’ и *радуга* ‘Тое, што і вясёлка’ [3]; *буралом* ‘2. Вялікай сілы вецер; бура, якая ідзе па лесе і ломіць дрэвы’ и *буралом* ‘Тое, што і буралом (у 2 знач.)’; *імгла* ‘2. Пялёнка туману, дыму, пылу, смуга’ и *імжа* ‘Тое, што і імгла (у 2 знач.)’; *марыва* ‘Трымацца і слой цёплага паветра каля паверхні зямлі ў гарачае надвор’е; смуга’ и *мроіва* ‘Тое, што і марыва’; *жар* ‘2. Разм. Гарачыня, спёка. // Моцная цеплыня, якая выдзяляецца чым-н. вельмі гарачым, нагрэтым’ и *жара* ‘Разм. Тое, што і жар (у 2 знач.)’; *ільдзінка* ‘Памяни.-ласк. о. ільдзіна; невялікая лдзіна’ и *лядзёк* ‘1. Невялікі кавалак лёду; ільдзінка’ и т. д. Кроме того, в ЛСП “Надвор’е” абсолютными синонимами могут выступать 3 и более субстантивов, напр., *завея* ‘Снежная бура; мяцеліца, завіруха’, *завіруха* ‘1. Моцны вецер розных напрамкаў з сухім снегам; мяцеліца, завея’ и *везя* ‘Тое, што і завея, завіруха (у 1 знач.)’; *цеплыня* ‘1. Нагрэтасць чаго-н.’, *цеплата* ‘2. Тое, што і цеплыня (у 1 знач.)’ и *цяплынь* ‘Тое, што і цеплыня (у 1 знач.)’, *макрата* ‘...// Разм. Мокрае, дажджлівае надвор’е’, *макроце* (разм.) ‘1. Тое, што і макрата (у ...//)’, *макрэча* ‘Разм. Тое, што і макрата (у ...//)’ и *макрэды* ‘Разм. Тое, што і макрата (у ...//)’ и др.

В коррелятивных полях погоды особенно широко представлены случаи **неполной синонимии** субстантивов. Семантические (идеографические) синонимы отражают различные стороны метеорологической семантики, описывая погоду с точки зрения характера осадков, силы ветра,

температуры и влажности воздуха, состояния неба и т. п.: рус. *изморось* ‘Очень мелкий дождь’ и *морось* ‘Очень мелкий, медленно падающий дождь’; *безветрие* ‘Отсутствие ветра, тихая погода’ и *штиль*¹ ‘Затишье, безветрие (на море, озере и т. п.)’; *ураган* ‘1. Ветер необычайно разрушительной силы. // Сильная буря в воздухе; циклон’ и *циклон* ‘2. Буря, ураган’; бел. *пагода* ‘...// Доброе надвор’е’ и *сонца* ‘...// Пра сонечнае надвор’е’; *спёка* ‘Мощная гарачыня ў паветры, нагрэтым сонца; спякота’ и *прыпар* ‘1. Душная гарачыня, спякота ў паветры ад сонца’; *мяцеліца* ‘1. Снежная бура, завея’ и *замець* ‘1. Завіруха, мяцеліца’ и др.

Среди наименований погодных явлений распространена и стилистическая синонимия, которая проявляется как в границах одной – центральной – зоны, так и в межзональном пространстве, связывая центральные и периферийные элементы, ср.: рус. *сушь* ‘1. Жаркая, сухая пора, погода’ и *сухота* ‘2. Разг. Жаркая, сухая погода; сушь’; *непогода* ‘Плохая погода; ненастье’ и *непогодь* ‘Прост. То же, что непогода’; *штитель* ‘Теплая погода (зимой или ранней весной), сопровождающаяся таянием снега, льда’ и *ростепель* ‘Прост. Оттепель’; *холод* ‘1. *только ед. ч.* Низкая температура воздуха’ и *хлад* ‘Трад.-поэт. Холод’; бел. *гурба* ‘Куча снегу, намеченная ветрам’ и *гурбіна* ‘Разм. Тое, што і гурба’; *хмара* ‘1. Вялікае, звычайна цёмнае воблака, якое прыносіць дождж, град, снег’ и *хмурына* ‘Разм. Тое, што і хмара (у 1 знач.)’; *вечер* ‘Паветраная плынь гарызантальнага напрамку’ и *вечравей* ‘Поэт. Вечер’ и т. д.

Семантико-стилистическая синонимия, связанная с одновременными различиями в семно составе и функционировании синонимов, в субстантивном сегменте сопоставляемых метеорологических полей носит спорадический характер и представлена единичными примерами типа рус. *зной* ‘Сильный жар в воздухе от солнца’ и *жарынь* ‘Прост. Сильный жар, зной’; бел. *галалёдзіца* ‘Ледзяная корка на паверхні зямлі, не пакрытая снегам; галалёд’ и *абліваха* ‘Разм. Зімовы дождж, які замярзае на зямлі, дрэвах, утвараючы ледзяную скарынку; галалёд’.

В ЛСП “Погода” и “Надвор’е” выделяется несколько субстантивных синонимических рядов различной протяженности – от бинарных до полинарных, напр.: рус. *жара, жар* (ЛСВ1...//), *зной, пекло* (ЛСВ2), *жарынь, жарыща; туман*¹ (ЛСВ1), *дымка* (ЛСВ1), *маревое* (ЛСВ2), *курево* (ЛСВ3), *изморось* (...//), *мгла* (ЛСВ1), *муть* (ЛСВ2); *непогода, ненастье, непогодь*; бел. *бездажджоўе, бяздожджыца; мяцеліца* (ЛСВ1), *замець* (ЛСВ1), *завея, завіруха* (ЛСВ1), *вея, сняжніца, сцюжа* (.../), *віхура* (ЛСВ1), *буран; воблака* (ЛСВ1), *аблачына, хмара* (ЛСВ1), *хмурына*. Как правило, синонимические ряды русских метеонимов имеют регулярные соответствия в белорусском поле погоды (*прохлада – свежесть – холодок / прахалада – свежасць – халадок*), однако в некоторых случаях соотносительные синонимические парадигмы различаются составом, количеством или стили-

стической принадлежностью их членов (ср.: рус. *веяние* – *дуновение* – *дыхание* и бел. *павяванне* – *павеў* – *подых* – *дыханне*; рус. *холодина* – *холодище* и бел. *халадзіна* (разм.) – *халадзішча* – *халадэча*). Асимметричность межъязыковой корреляции синонимических рядов метеонимов, связанная с лакунарностью, обусловлена прежде всего неравномерной лексической вербализацией определенных семантических участков метеолексикологии сравниваемых языков: “в каждом языке есть слова, тесно связанные с одной определенной культурой и не имеющие эквивалента ни в каком другом языке” [1, с. 36]. Так, значение ‘небольшой, слабый мороз’ в русском языке передается синонимами *морозик* и *морозец*, а в белорусском – однокоренным существительным *марозік*; с другой стороны, например, белорусским полевым элементом *маланка* и *бліскавіца* в русском языке соответствует только метеоним *молния*.

Некоторые многозначные существительные по линии отдельных ЛСВ входят сразу в несколько синонимических рядов. Такими, например, лексемами *мороз* / *мароз*, *сухота* / *сухата*, одно из значений которых называет природное явление, а другое обозначает погоду, для которой характерно это явление.

В обоих метеорологических полях в субстантивном сегменте репрезентированы синонимические корреляции по всем возможным моделям: а) моносемант – моносемант (рус. *летель* ‘Сильный ветер со снегом; вьюга’ – *вьюга* ‘Сильная метель, снежная буря’; бел. *гурба* ‘Куча снегу, наметенная ветрам’ – *сумёт* ‘Наметенная ветрам гурба снегу’), б) ЛСВ полисеманта – ЛСВ полисеманта (рус. *затишье* ‘1. Временное прекращение ветра; безветрие’ – *тишь* ‘2. Тихая, безветренная погода’; бел. *імгла* ‘2. Пялёнка туману, дыму пылу; смуга’ – *смуга* ‘1. Лёгкая, падобная на дым атмасферная пялёнка, дымка, туман’), в) моносемант – ЛСВ полисеманта (рус. *смерч* ‘Атмосферный вихрь, возникающий в грозовом облаке и распространяющийся вниз, часто до самой поверхности Земли в виде темного рукава или хобота’ – *вихрь* ‘1. Стремительное круговое движение ветра’; бел. *воблачнасць* ‘Скапленне воблакаў; хмарнасць’ – *хмарнасць* ‘1. Згушчэнне хмар; воблачнасць’).

В рамках ЛСП “Погода” и “Надвор’е” в синонимические отношения способны вступать также слова в переносном значении, что наиболее выпукло характеризует место и роль синонимии в метеолексикологии сопоставляемых языках, ср., напр.: рус. *покров*¹ ‘1. ...// *перен.* То, что покрывает, укрывает или окутывает что-л.’ и *флёр* ‘2. *перен.* Полупрозрачный покров, пелена, дымка’; бел. *каламуць* ‘2. *перан.* Непраглядная заслона; імгла’ и *каламута* ‘Тое, што і каламуць’ (у 2 знач.).

Таким образом, члены метеорологических полей близкородственных языков связаны разветвленной сетью синонимических отношений, распространяющихся в центральной и периферийной зонах. При высокой

развитости синонимических связей и представленности в субстантивном сегменте русского и белорусского полей погоды всех типов синонимии в межъязыковом плане отмечается ряд особенностей:

- 1) коррелятивные русские и белорусские синонимические ряды различаются составом и / или количеством членов;
- 2) соотносительные ряды синонимов характеризуются различиями в стилистической окраске конститuentов;
- 3) в одном из языков определенный семантический участок ЛСП представлен одиночным метеонимом, а в другом – несколькими синонимичными элементами;
- 4) в белорусском поле погоды, в отличие от русского, шире и разнообразнее представлено явление полной синонимии: в качестве абсолютных синонимов могут выступать более чем 2 метеонима.

Літэратура

1. Вежбицкая, А. Семантычныя універсаліі і базісныя канцэпты / А. Вежбицкая. – М. : Языки слав. культур, 2011. – 568 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – 4 т.
3. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

Алена Васілеўская

ЗААМАРФІЧНЫЯ МЕТАФАРЫ Ў СЛАВЯНСКІХ МОВАХ

Метафарычны перанос жывёла → чалавек з’яўляецца адной з найбольш тыповых метафарычных мадэляў, прадстаўленых практычна ва ўсіх мовах свету, “што глумачыцца генетычнай блізкасцю духоўнай і матэрыяльнай культур многіх народаў, тыпалогіяй разумовай дзейнасці чалавека, здольнасцю такога разраду слоў да рэгулярных пераносаў, канататыўным успрыманнем заонімаў у прадстаўнікоў розных моў і іншымі прычынамі” [5, с. 114]. У межах гэтай мадэлі пераноснае значэнне набываюць непасрэдна назвы жывёл: *слон, баран, хамелеон* і інш., прыметнікі, утвораныя ад іх: *воўчы, галубіны, заячы, змяіны* і інш., бестыяльныя дзеясловы, якія апісваюць дзеянні і якасці, уласцівыя жывёльнаму свету: *спырхнуць, джаліць, натапырыцца, шчэрыцца, гняздзіцца* і пад.

Адно з найбольш шматлікіх груп бестыяльных дзеясловаў складаюць лексемы, што абазначаюць гукі, уласцівыя жывёлам [2]. Нярэдка такія дзеясловы ўжываюцца з пераносным значэннем для перадачы асаблівасцей маўлення чалавека: *гергетаць* (‘гагатаць (пра гусей)’) – ‘гаварыць на незразумелай мове’, *шчабятаць* (‘спяваючы, утвараць гукі, падобны на шчэбет (пра птушак)’) – *перан.* ‘хутка, бесперастанку гаварыць (звычайна пра дзяцей, жанчын)’. Развіццё падобных метафарычных значэнняў уласціва практычна ўсім славянскім мовам. Так, у рускай мове пераноснае значэнне набываюць словы *взывать* (‘іздаваць вой (о жи-